

УДК 82-32

Богданова О.В.,

доктор філологічних наук, професор,
ведучий научний співробітник

Інституту філологічних досліджень
Санкт-Петербурзького державного
університету (Росія, Санкт-Петербург)

АКСИОМА БЫТИЯ В «ХОЛОДНОЙ ОСЕНИ» И. А. БУНИНА

В статье рассматривается мотивно-образная система рассказа И. А. Бунина «Холодная осень», осмысливается его композиционная структура, вычленяется ведущий контент идейной слагаемой. В статье показано, что суммарная общность мелких деталей и образно-поэтических мотивов выводит повествование на новый уровень восприятия, дает возможность объективировать за лирическим ракурсом повествования разглядеть философскую составляющую «позднего» текста Бунина. Аналитическое осмысление рассказа Бунина дает представление об отражении художником неоднозначной и противоречивой сути человеческой жизни и его слова.

Ключевые слова: *творчество И. А. Бунина, цикл «Темные аллеи», рассказ «Холодная осень», композиционная структура, философский потенциал*

Рассказ И. А. Бунина «Холодная осень» датирован 3 мая 1944 года. В дневниках Бунина под 1945 годом сохранилась запись:

«1. I. 1945. Понед.

Сохрани, Господи. – Новый год.

Уже с месяц болевая точка в конце печени при некоторых движениях. Был долгий кашель, насморк, грипп.

Топлю по вечерам. Вера сидит у меня, переписывает на машинке некоторые мои вещи, чтобы были дубликаты. И еще, еще правлю некотор. слова.

Очень самого трогает “Холодная осень”. Да, “великая октябрьская”, Белая армия, эмиграция... Как уже далеко все! И сколько было надежд! Эмиграция, новая жизнь – и, как ни странно, еще молодость была! В сущности, удивительно счастливые были дни. И вот уже далекие и никому не нужные...» [2, 188].

Рассказ «Холодная осень» включен Буниным в III раздел цикла «Темные аллеи», в ту завершающую часть, которая аккумулирует авторские философские наблюдения над жизнью, над ее противоречиями и антиномиями.

Название рассказа – «Холодная осень» – образно, многозначно, символично. Прежде всего, холодная осень – вполне конкретное время года, когда разворачиваются события в тексте, конкретное обозначение временных рамок происходящего в рассказе. «Удивительно ранняя и холодная осень!» [3, 206]. Холодная осень 1914 года.

Но холодная осень – это еще и аллюзия на А. А. Фета, поэтический образ, унаследованный из стихотворения «Какая холодная осень!..»

Какая холодная осень!
Надень свою шаль и капот;
Смотри: из-за дремлющих сосен
Как будто пожар восстает.

Сияние северной ночи
Я помню всегда близ тебя,
И светят фосфорные очи,
Да только не греют меня.

Подобно тому, как в первом рассказе цикла «Темные аллеи» Бунин опирался на ассоциативно-метафорический образ «темных аллей» из стихотворения Н. П. Огарева «Обыкновенная повесть», так в «Холодной осени» прозаик полагается на фетовский интертекст (ср. начало рассказа «Темные аллеи»: «В холодное осеннее ненастье...» [3, 7]). Апелляция к творчеству поэта-классика становится одной из примет «мемориального» рассказа, базирующегося на воспоминании, на впечатлении – своем и чужом, жизненном и поэтическом.

В образно-метафорическом смысле «холодная осень» – символ по-осеннему холодной жизни героини, ее одиночества и неприятности, настигших ее после потери возлюбленного. И – состояние души героини, ведущей неспешный, холодно-осенний безэмоциональный рассказ о своей долгой одинокой жизни, горестного существования без любви.

Рассказ «Холодная осень» (как и большинство рассказов «Темных аллей») включает в себе ретроспективную установку. Однако в отличие от рассказов первого раздела цикла третий раздел «Темных аллей» насыщен не просто впечатлениями былого, ушедшего, памятного, но пронизан философски раздумчивыми наблюдениями, жизненно антитетичными суждениями и неожиданно парадоксальными умозаключениями главных героев. В третьем разделе цикла персонажи Бунина (теперь в значительно большей степени разные и неоднозначные, чем в первых двух разделах) словно подводят жизненные итоги, погружаются в прошлое не во имя воспоминаний, но ради акцентации важных жизненных философем, для подтверждения истинности и достоверности нажитых опытом суждений и наблюдений.

Нарративная система в рассказе «Холодная осень» отличается от большинства текстов, входящих в цикл «Темные аллеи». Героиней-рассказчицей в «Холодной осени» становится женский персонаж, субъектная наррация в тексте осуществляется от *ее* лица. Рассказ безымянной героини посвящен истории расставания с любимым человеком, призванным на войну и вскоре погибшим на фронте. Т. е. в тексте рассказа появляется мужской персонаж. Между тем

близости между *он*-героем и *сквозным* мужским персонажем цикла «Темные аллеи» нет. Те несколько реплик, которые доверены Буниным мужскому персонажу в «Холодной осени», не дают оснований сопоставить его с образом героя, действующего (пронизывающего) весь цикл рассказов о любви. В «Холодной осени» скорее женский персонаж, ведущий повествование, берет на себя функции, присущие мужскому типу героя, – страдание, разочарование, испытание жизнью, постижение законов бытия, философическое наблюдение над условиями земного существования. Обращение к «нехарактерному» для Бунина типу женщины-нарратора динамизирует повествовательную форму, позволяет прозаику, с одной стороны, внести разнообразие в систему повествователей-рассказчиков цикла, с другой – обобщить разнородность гендерного мировидения, придать рассказовым суждениям обобщенность и всеобщность. Тенденция к философской компоненте текста в III разделе цикла нарастает.

Символизация и универсализация жизненных умозаключений героя (героини) достигается в «Холодной осени» через посредство приема антитетичности, *антитезы*, пронизывающей и организующей весь текст повествования, выступающей реализацией и воплощением антиномий сложной и неоднозначной человеческой жизни.

Как показывают наблюдения над текстами, природный пейзаж у Бунина всегда играет важную композиционную и смысловую роль, оказывается важным образно-поэтическим элементом в оформлении художественного события. И хотя в рассказе «Холодная осень» пространство обретает весьма условные черты, но уже только избранный временной отрезок – ранняя холодная осень – задает тональность всему тексту, прогнозирует будущие трагические события, генерирует поток смысловых ассоциаций. И что особенно важно – устанавливает контрастность, пронизывающую и опосредующую все повествование, выводя его на философский уровень.

События в рассказе происходят в сентябре («В сентябре он приехал к нам всего на сутки – проститься перед отъездом на фронт...» [3, 206]), но Бунин изображает раннюю осень столь холодной, что «воздух совсем зимний» [3, 208]. Еще только сентябрь, а на героине надеты «швейцарская накидка» и «пуховый платок» [3, 208]. Вечернее небо «черное», и на нем блещут «ледяные звезды» [3, 207]. Определение *ледяные* порождает тревожные предчувствия, но эпитет «*минерально* блестящие звезды» обуславливает безжизненность и мертвенность окружающего героев хронотопа, отображая будущность судьбы молодого воина, отправляющегося на фронт.

Выход героев в сад, в сентябре должный быть еще в желто-красной листве, сопровождают голые «черные сучья» [3, 207] – т. е. картина усадебного пространства сада утрачивает традиционные «райские» коннотации образа-топоса и, смыкаясь в единое смысловое поле рассказа, в единый ассоциативный контекст пугающе устрашает героев тревожной чернотой и наготой.

Еще более контрастен утренний пейзаж, созданный Буниным, – время расставания жениха и невесты, уход молодого человека на фронт, последние минуты вместе. Рассказчица отмечает «удивительную *несовместность*» [3, 208] между грустью расставания героев и «окружавшим <их> радостным, солнечным, сверкающим изморозью на траве утром» [3, 208]. Контраст задан и выделен, осознан и акцентирован.

В рассказе «Холодная осень» Бунин отказывается от традиционных приемов сюжетосложения – по существу сюжетно-фабульная интрига в рассказе отсутствует. Психологическое пространство, в котором разворачивается «ослабленный» сюжет, представляет из себя мир субъективных переживаний и воспоминаний героини. Повествование основано на ощущениях и впечатлениях, и потому функции выразителей (заместителей) внешних фабульных перипетий берут на себя бытовые штрихи и детали, которые извлекает из памяти героиня и которые по ходу наррации превращаются в психологические, в чувственно-ощутимые, внутренние. Рассказчица констатирует факты, не давая им комментария, прозаик же выстраивает их так, чтобы за нанизыванием номинаций вырастал глубинный психологический фон событий. Неслучайно замечание рассказчицы: «Мы в тот вечер сидели тихо, лишь изредка обменивались незначительными словами, преувеличенно спокойными, скрывая свои тайные мысли и чувства» [3, 206]. Незначительные слова противопоставлены глубокой грусти, тишина и спокойствие – волнению, преувеличение – сокрытию важности предчувствий. Бунин с точностью психолога обнажает души героев – «притворно простые» [3, 207] реплики персонажей скрывают/выявляют их боль и тревогу.

Прозаик удивительно тонко, едва заметно, но выразительно воссоздает трагически тревожное противоречие (столкновение) между войной и миром. Однако историко-конкретный фон (1914 год, начало Первой мировой войны) становится только отправной точкой более глобальных обобщений и универсалий. Герой повествования, молодой жених, еще не стал членом семьи героини. Между тем Бунин использует слова-маркеры, которые со всей очевидностью акцентируют теплые сердечные отношения, установившиеся в семье. Молодой герой принят как родной. По словам героини, «он <...> всегда считался у нас своим человеком» [3, 206] – и Бунин акцентировано настойчиво подчеркивает это. Отец героини обращается к герою «душа моя» [3, 207]. Мать героини воспринимает молодого человека своим сыном: «Мама встала и перекрестила своего будущего сына» [3, 207]. О себе и о жене (обращаясь к герою) отец говорит – «нам с мамой пора спать» [3, 207], чтобы пораньше встать и проводить «сына». Прозаиком использованы интимно-душевные слова *мама* и *papa*, но не мать и отец (тем более, что обращены они пока не к сыну, но к жениху). В описании героини – молодой герой «склонился к ее <маминой> руке, потом к руке отца» [3, 207] – и Бунин вновь выстраивает предложение таким обра-

зом, как если бы речь действительно шла о *его* <героя> отце и *его* матери, с которыми он прощается перед сном.

Душевная близость между героями подчеркивается выразительной деталью – золотой образок, зашиваемый матерью героини в шелковый мешочек, порождающая в героях чувства «трогательные и жуткие» [3, 207]. Символическая деталь – «образок» – актуализирует в тексте Бунина толстовские мотивы, заставляя вспомнить проводы Андрея Болконского на войну и сестринский подарок княжны Марьи – подобный образок-ладанку. Параллель к образу Андрея Болконского невольно пробуждает в сознании мотивы чести и долга, которые сопровождали героя Толстого в романе «Война и мир», указывая на «дорогу чести» бунинского героя. По сути толстовская антитеза «войны и мира» находит свое отражение в рассказе Бунина посредством «мысли семейной».

Однако отношение Бунина с литературной традицией только толстовским мотивом не исчерпывается. Обыкновенно в текстах Бунина имена Толстого и Пушкина неизменно оказываются рядом. И рассказ «Холодная осень» не становится исключением. Рядом с толстовским мотивом «войны и мира», «чести и долга» в тексте начинает звучать пушкинский мотив любви и великодушия. Оказавшись с героиней наедине, подобно пушкинскому лирическому герою, бунинский персонаж произносит: «Ну что ж, если убьют, я буду ждать тебя там. Ты *поживи, порадуйся на свете*, потом приходи ко мне» [3, 208]. И в словах бунинского героя слышится лирическое пушкинское: «Как дай вам Бог любимой быть другим...».

Появление в подобном ассоциативно литературном контексте имени А. А. Фета лишь усиливает ощущение всеобщности изображаемой коллизии, углубленной до «времен наших дедушек и бабушек...» [3, 207], почти пушкинско-толстовских. Отсюда трогательное обсуждение фетовских шали и капота и грустное замечание героини: «Капота нет...» [3, 207] – как свидетельство изменившегося времени, нравов, законов, порвавшейся цепи времен.

Исследователи отмечали, что строки Фета приводятся в тексте Бунина с небольшими искажениями. А. К. Бабореко по этому поводу писал: «Бунин неточно приводит первые четыре строки из стихотворения без заглавия А. А. Фета; определение “дремлющих” сосен он заменил словом “чернеющих”» [1, 246]. Далее комментатор размышляет: «<...> даже если это ошибка памяти, а не сознательное стилистическое изменение поэтической строки, все равно такая замена слова характерна для Бунина: она соответствует его стремлению изображать мир в красках. Небо, загоревшееся пожаром на восходе солнца, видимое сквозь чернеющие сосны – <...> впечатляющая картина» [1, 246].

Однако поэтическая задача Бунина, кажется, еще более точно направлена. Прозаик, несомненно, задумывался о «впечатляющей картине» холодной осени, однако контентность ее может быть и в ином. Во-первых, речь в тексте Бунина идет не о восходе солнца, а о восходе луны («Восход луны, конечно» [3, 207]), что немаловажно в контексте рассказа, ибо именно образ-мотив луны

привносит тревожно-трагические ноты в атмосферу вечерне-ночной сцены. Ледяной и минеральный свет холодных звезд и луны порождает коннотации мертвенности ночного светила и тем самым бросает трагический отблеск на судьбы героя. И в этом контексте не менее важно то, что фетовское определение «дремлющие» сосны заменено у Бунина эпитетом «чернеющие» – не столько в намерении «впечатлитель» красками картины, сколько в стремлении еще раз подчеркнуть мертвенность и пугающую тревожность завтрашнего будущего. Герой рассказа всего через месяц будет убит в Галиции [3, 208]. Поэтому строки «Смотри – меж чернеющих сосен / Как будто пожар восстанет» говорят не о пожаре восхода, а о пожаре начавшейся войны (Бунин чутко и тонко обыгрывает устоявшийся знакомый фразеологизм). Поэтическая «адаптация» строк Фета (вольная или невольная) работала на собственно бунинский текст, на выразительную контрастность мира и войны, счастья и потерь, любви и одиночества. В этом окружении, казалось бы, нейтральный оборот речи героя «вечно буду помнить этот вечер...» [3, 208] коррелирует с мотивом «вечной памяти», который (в светском и религиозном сознании) непременно и прочно связан с «вечной памятью» о погибших. Т. о. мельчайшие нюансы речи героев становятся частью емкой системы психологизации текста, оказываются важными составляющими его психолого-характерологического подтекста (в этой связи можно говорить об интертекстуальных аллюзиях и к еще одному классическому русскому литератору – мастеру подтекста, «подводных течений» А. П. Чехову).

Многочисленные антиномии бунинского рассказа «жаркий – холодный», «ранний – поздний», «родной – чужой», «обручение – расставание», «свадьба – похороны», «месяц – тридцать лет» особенно ярко и выразительно подчеркиваются еще одной антитезой: «Я пошла по комнатам, заложив руки за спину, не зная, что теперь делать с собой и зарыдать ли мне или запеть во весь голос...» [3, 208]. Вряд ли можно представить себе героиню, только что проводившую жениха на войну, поющей во весь голос. Однако Бунин намеренно акцентирует этот контраст, ибо весь рассказ сознательно смоделирован, сконструирован прозаиком на антитезе, чтобы усилить и сделать более отчетливой – и смыслоемкой – еще одну антиномию, финальную и главную в тексте «Холодной осени».

Подводя итог своей жизни, героиня размышляет: «<...> вспоминая все то, что я пережила с тех пор, всегда спрашиваю себя: да, а что же все-таки было в моей жизни? И отвечаю себе: только тот холодный осенний вечер. Ужели он был когда-то? Все-таки был. И это все, что было в моей жизни – остальное ненужный сон» [3, 210]. Для героини «один вечер» оказывается ценнее «всей жизни». Один день становится метонимическим замещением всей жизни.

Бунин (точнее – его героиня) возводит отдельный момент (вечер, час) к вечности (в частности к той, о которой упоминал герой при прощании), констатирует иллюзорность внешнего бытия («все <...> остальное ненужный сон»

[3, 210]). Однак виникає питання: чому один вечір? Вже напевно в житті молодих героїв були і інші вечери, тижні, місяці, коли вони були щасливі, любили одне одного. Чому найважливішим для героїни не став день, коли її назвали нареченою? Бунін як би відходить від життєвого правдоподібності, але робить це свідомо, бо орієнтується на поезію, на метафоричне свідомство героїни, на романтизоване сприйняття минулого жіночим персонажем. Єдиним той холодний вечір став для героїни тому, що саме в ці години і хвилини вона пережила найвищий нагріт почувань – найвищу експресію любові, болю, страху, передчущень. І саме в той вечір героїня висловила слова, які пам'ятала впродовж всього життя.

На прощальні слова героя героїня в відчаї пообіцяла нареченому: «Я не переживу твоєї смерті!» [3, 208]. Але, як виявилось, пережила. І прожила ще «довгих» [3, 209] тридцять років.

В межах ретроспективного хронотопа жіночий персонаж Буніна в продовження всього свого життя не може забути обіцянку, дану герою, і то ли корить себе за швидко і необдуманно сказані слова, то ли спостерігає і констатує особливий закон життя: «Так і пережила я його смерть, опромітливо сказав колись-то, що я не переживу її» [3, 210]. Антиномічність існування стає вираженням одного з головних законів життя: «Слова, слова, слова...» Героїня-жінка (за Буніна, не герой-філософ) приходять до дуже філософського – шекспірівського – висновку про (не)значення висловленого слова. І то спокійство, яким письменник наділяє героїню, повторюючи ці слова, стає визнанням загальної життєво-життєвої істини, яку вона пізнала на власній долі.

В тексті розповіді знову виникає перекличка з розповіддю «Темні аллеї». Як в першій частині циклу центральний герой визнавав (висловлював) непереможний закон життя: «Все проходить. Все забувається» [3, 10], так і героїня «Холодної осені» досягає аксіому існування, пізнає ціну відповідальності за необдуманно-безвідповідально сказане слово. Бессмысленність слова стає поетичним синонімом бессмысленності існування.

Мотив любові стає доформованим в межах всього циклу «Темні аллеї» новою складовою – знанням суперечливості і неоднозначності намірів, дій, поступків, слів, думок людини (героя), затекстовим висновком про невідповідність бажань і їх виконання, про ціну обіцянок і їх виконання. Спокійно-роздумливий тон мови (нарративу) героїни надає всій колізії загальної – філософської – кольорит. Ретроспекція-історія жіночого персонажа виходить за межі окремого події.

В фіналі розповіді Бунін моделює реальності різного порядку, висловлює героїню з сфери звичної дійсності, але віддає в руки законів іншого світу. До кінця життя автору і герою (героїні) залишається тільки надія – віра в те, що «холодна осінь» життя швидко закінчиться, а *она* «з тією ж лю-

бовью и молодостью» будет ждать *ее* в ином мире. «Я пожила, порадовалась, теперь уже скоро приду» [3, 210]. Последней антитезой рассказа становится «память – вера», не реальные воспоминания («И вот уже далекие и никому не нужные...»), а мистическая надежда на иномирные закономерности. Теперь для героини триада «вера – надежда – любовь» опирается прежде всего на первые слагаемые.

В третьей части цикла «Темные аллеи» ретроспективно-ностальгические мотивы рассказов о любви все сильнее и полнее обретают у Бунина черты текстов философических, наполненных осмыслением уже не только истории любви, но философии жизни, трагических коллизий бытия. Страх перед смертью, пронизывавший многие ранние рассказы Ивана Бунина, к третьей части книги о любви сменился искомым героями (и автором) «освобождением», надеждой на возвращение «любви и молодости в ином мире» [3, 210], желанной верой в соединение пространства обыденного и сакрального.

Список использованной литературы

1. Бабореко А. К. Комментарии // Бунин И. А. Темные аллеи / предислов. О. Н. Михайлова. – М.: Молодая гвардия, 2002. – С. 230–254.
2. Бунин И. А. Дневники. 1881–1953 // Бунин И. А. Собр. соч.: в 9 т. – М.: Художественная лит-ра, 1966–1967. – Т. 8. – С. 140–192.
3. Бунин И. А. Холодная осень // Бунин И. А. Собр. соч.: в 9 т. – М.: Художественная лит-ра, 1966–1967. – Т. 7. Темные аллеи. Рассказы 1931–1952 гг. – С. 206–210.

Богданова О.В.

Институт філологічних досліджень
Санкт-Петербурзького державного університету
olgabogdanova03@mail.ru

АКСИОМА БУТТЯ У «ХОЛОДНІЙ ОСЕНІ» І.О. БУНІНА

У статті розглянуто мотивно-образну систему оповідання І.О. Буніна «Холодна осінь», його композиційну структуру, виокремлено провідний контент його ідейної складової. У статті доведено, що загальна спільність дрібних деталей та образно-поетичних мотивів переводить оповідання на новий рівень сприйняття, дає можливість за ліричним ракурсом розглянути філософську складову прози І.О. Буніна останнього періоду його творчості. Аналітичний розгляд оповідання І.О. Буніна формує уявлення про неоднозначність та суперечливість життя людини і її слова.

Ключові слова: творчості І.О. Буніна, цикл «Темні алеї», оповідання «Холодна осінь», композиційна структура, філософський потенціал

Bogdanova O.V.

Institute of philological research
Saint Petersburg state University
olgabogdanova03@mail.ru

THE AXIOM OF EXISTENCE IN THE BUNIN'S STORY “COLD AUTUMN”

The article considers the motive and figurative system of the story of Ivan Bunin “Cold autumn”, interpretes its compositional structure, focuses on the leading term ideological content. The article shows that the total community of small details, images and poetic motifs brings the narrative to a new level of perception, gives the opportunity to objectify for the lyrical perspective of the narrative to see the philosophical aspects of “late” Bunin text. Analytical understanding of the Bunin's story gives an idea about the reflection of the artist's ambiguous and contradictory essence of human life and his words.

Key words: *creative work of Ivan Bunin, series “Dark alleys”, the story “Cold autumn”, composite structure, philosophical potential*

References

1. Baboreko A. K. (2002), Kommentarii [Comments] [in:] Bunin I. A. Temnyie allei [Dark alleys], Moscow, Molodaya gvardiya, pp. 230–254 [in Russian].
2. Bunin I. A. (1966-1967), Dnevnik. 1881–1953 [Diaries. 1881 – 1953] [in:] Bunin I. A. Sobr. soch.: v 9 t. [Collected works, vol. 1-9], Moscow, Hudozhestvennaya lit-ra, vol. 8, pp. 140–192 [in Russian].
3. Bunin I. A. (1966 – 1967), Holodnaya osen [Cold autumn] [in:] Bunin I. A. Sobr. soch.: v 9 t. [Collected works, vol. 1-9], Moscow, Hudozhestvennaya lit-ra, vol. 7, pp. 206 – 210 [in Russian].

Статтю подано до редколегії 20 травня 2017 р.